
Проблемные вопросы современных исследований Люблинской унии и её последствий с точки зрения литовской историографии

Гинтаутас Слесорюнас

Problematic Issues of Modern Studies of the Union of Lublin and its Consequences from the Perspective of Lithuanian Historiography

Gintautas Sliesoriūnas
(Lithuanian Institute of History, Vilnius)

DOI: 10.31857/S086956870010778-6

Заключённая в 1569 г. в Люблине уния — союз между Польским королевством (Короною Польскою) и Великим княжеством Литовским (ВКЛ), являлась судьбоносным событием для народов, проживавших на территории этих двух государств, на стыке Центральной и Восточной Европы. Таковой уния стала и для собственно Литвы, что обуславливает большое внимание к этому событию и его последствиям как среди литовских учёных, так и в общественном сознании. Оценка последствий Люблинской унии менялась во многом под влиянием новых исторических событий и приобретённого обществом исторического опыта. Неизменно подчёркивалось, что Люблинская уния не означала конца государственности ВКЛ. Отмечалось, что к унии подталкивало стремление средней шляхты Литвы сравняться в сословных привилегиях с польской, но все же главной причиной считались продолжавшаяся тогда война и угроза, исходившая со стороны Русского государства¹.

Критическую оценку государственного союза ВКЛ и Польского королевства унаследовала и советская историография Литвы, которая *de facto* начала развиваться только с середины 1950-х гг. На неё влияли характерные для советской историографии отрицательные оценки государственного союза Литвы и Польши. В некотором смысле это было продолжением традиции русской историографии XIX — начала XX в. В очерках истории Литвы, изданных в тот период, можно найти весьма резкие суждения, например, что «Люблинская уния была гибельной для литовской нации»².

В 1970—1980-х гг. в литовской советской историографии уже можно найти хотя и завуалированные, но всё же более самостоятельные оценки Люблинской унии. В продолжение довоенной традиции значительное внимание уделялось судьбе государственности ВКЛ, и это вело к постепенному возвращению к суждениям о том, что ограничение литовской государственности в 1569 г. было платой за спасение от большей беды — потери самой независимости в ходе войны с Русским государством. Тем не менее в трудах по истории Литвы, опубликованных в то время, в первую очередь подчёркивались противоречия

© 2020 г. Г. Слесорюнас

¹ Lietuvos istorija. Kaunas, 1936. P. 219—223.

² Jurginis J. Lietuvos TSR istorija. Kaunas, 1957. P. 42. Более умеренные суждения были в академических изданиях истории Литвы. В них отмечалось, что уния «подкосила» государственную самостоятельность Литвы и привела к дальнейшему её увяданию (Lietuvos TSR istorija. T. I. Vilnius, 1957. P. 218—219).

между вельможами и средней шляхтой Литвы, а уже потом писалось о крайней необходимости для ВКЛ заручиться поддержкой со стороны Польши. Отмечалось также, что созданная в итоге унии «федерация» двух государств, несмотря на встречающиеся суждения тогдашней литовской элиты о постигшем страну несчастье, «не была столь уж трагичной», так как Литва сохраняла за собой большую самостоятельность³.

Исходная точка современной литовской историографии, вобравшей в себя наследие довоенной и эмигрантской, равно как и литовской советской исторической науки, свелась к оценке Люблинской унии как «меньшего несчастья»⁴, неизбежного выбора, сделанного ВКЛ в 1569 г. ради самосохранения (пусть и в ограниченном виде). В этой статье основной целью является обобщение оценок Люблинской унии и её последствий в современной литовской историографии и обозначение проблемных вопросов, по которым сохраняются существенные разногласия.

Пристальное внимание литовских исследователей продолжает привлекать изучение предпосылок унии⁵ и позиции литовской стороны на переговорах, предвосхищавших заключение Люблинской унии⁶. Изучение переговорной стратегии и литовских предложений (проектов) будущей унии теснейшим образом связано с изучением отношения литовского общества, прежде всего привилегированного сословия, к перспективе заключения более тесного государственного союза между Литвой и Польшей. Уния должна была гарантировать союз и после пресечения объединявшей эти страны династии Ягеллонов (последнее в то время уже воспринималось как неотвратимая данность). Изучение отношения привилегированного сословия литовского общества к проектам будущей унии подразумевает и более пристальное внимание к отдельным составляющим этого сословия — не только элиты (панов Рады), но и среднего и мелкого шляхетства, сословные права которых были значительно расширены накануне заключения унии в результате проведённых реформ административно-судебной системы ВКЛ (1563—1566). Перспективно изучение региональных отличий в отношении к унии и к Польше шляхты южных (украинных) воеводств и Подляшья — земель, которые во время Люблинского сейма были отторгнуты от Литвы и присоединены к Польше (что явилось сильнейшим и действенным средством давления на литовскую сторону с целью сломить её сопротивление).

Более глубокое изучение обозначенных вопросов было в какой-то мере вызвано полемикой литовской и польской историографии. Последнюю на протяжении длительного времени характеризовало оценивание предложений литовской стороны как проектов «непрочной унии» и определение самых по-

³ Lietuvos TSR istorija. T. I. Vilnius, 1985. P. 122—125.

⁴ Gudavičius E. Lietuvos europėjimo keliai: istorinės studijos. Vilnius, 2002. P. 275. Историк использовал определение «меньшее несчастье», описывая стоявший тогда перед Литвой выбор: либо уния с Польшей, либо завоевание Русским государством уже тогда, в XVI в. Представленный выбор не был новшеством в исторической науке. Так ставил вопрос ещё знаменитый русский историк М. Любавский (1860—1936), чьи труды оказали большое влияние на литовских историков, изучавших ВКЛ XVI в.

⁵ Petrauskas R. Tarp kivirčų ir susitarimų: socialinės ir politinės Liublino unijos prielaidos / Między konfrontacją a porozumieniem: społeczne i polityczne przesłanki unii lubelskiej // Liublino unija: idėja ir jos tęstinumas / Unia Lubelska: idea i jej kontynuacja. Vilnius, 2011. P. 36—42, 43—49.

⁶ Kiaupienė J. Poszukiwanie kompromisu — konfrontacja litewskiej i polskiej tradycji politycznej w przededniu unii lubelskiej // Europa unii i federacji. Idea jedności narodów i państw od średniowiecza do czasów współczesnych. Kraków, 2004. S. 19—29.

следовательных сторонников литовской концепции как «противников унии». Подчёркивались различия в отношении к унии между вельможами и средней и мелкой шляхтой: сдержанная позиция первых объяснялась стремлением сохранить свои исключительные привилегии. Средней шляхте при этом приписывалось благосклонное отношение к унии, опиравшееся на стремление обрести шляхетские вольности, подобные тем, которыми пользовалась польская шляхта. В польской историографии (особенно со времен публикации основных исследований О. Галецкого⁷) подчёркивалось благосклонное отношение к унии подляшской, волынской и брацлавской шляхты. В свете последних исследований картина представляется более сложной и неоднозначной. На петицию волынской шляхты (29 марта 1569 г.), в которой она недоумевала по поводу решения короля присоединить Волынь к Польше и выразила сомнение в правомочности королевского декрета, обратили внимание Зигмонтас Кяупа и Юрате Кяупене в написанных совместно с польским учёным Анджеем Рахубой очерках истории Литвы⁸. В то же время, несмотря на важность проблематики Люблинской унии для истории Литвы, работ, посвящённых исключительно Люблинской унии, написано немного⁹.

Процесс подготовки унии и определение официальной позиции ВКЛ по отношению к более тесному союзу с Польшей широко представлены в обобщающих трудах по истории Литвы и в специальных исследованиях¹⁰. «Литовский проект» был выработан в 1563 г. и составлен в форме инструкции сейма ВКЛ, заседавшего в Вильнюсе, для делегации Литвы, отправленной на общий сейм в Варшаву в 1564 г. Он содержал следующее условия:

1. Польша и Литва должны иметь общего монарха — короля польского и великого князя литовского, избираемого на общем сейме вблизи границы Литвы и Польши. На сейме Польшу и Литву должно представлять равное число послов-избирателей.

2. Избранный монарх должен быть интронизирован в каждом из государств отдельно.

3. Два раза — перед каждым из государств — новоизбранный монарх должен принести присягу.

4. Интронизация новоизбранного монарха в Литве должна состояться в течение трёх месяцев со дня коронации в Кракове. До момента интронизации в Вильнюсе он не может пользоваться властными полномочиями в Литве.

5. Польша и Литва сохраняют отдельные канцелярии и государственные печати.

6. Общие сеймы для Польши и Литвы созываются для обсуждения и принятия решений по вопросам избрания монарха, войны и мира, для отправки

⁷ *Kiaupienė J.* Oscar Halecki, badacz dziejów Wielkiego Księstwa Litewskiego, a historiografia litewska // *Oscar Halecki i jego wizja Europy*. T. 3. Warszawa — Łódź, 2014. S. 124—128.

⁸ *Rachuba A., Kiaupienė J., Kiaupa Z.* Historia Litwy. Dwugłos polsko-litewski. Warszawa, 2008. S. 291.

⁹ *Petrauskas R.* Lenkijos ir Lietuvos unija. Geopolitinis ir kultūrinis kontekstas // *Naujasis Židinys-Aidai*. 2009. № 6. P. 172—176; *Nakas N.* Damoklo kardas virš Gordijaus mazgo. Liublino unija 451-aisiais gyvavimo metais // *Naujasis Židinys-Aidai*. 2010. № 11. P. 395—402. См. также сборник статей, посвящённых Люблинской унии, изданный на литовском и польском языках: *Liublino unija: idėja ir tęstinumas / Unia Lubelska: idea i jej kontynuacja*.

¹⁰ *Gudavičius E.* Lietuvos istorija. T. I. Vilnius, 1999. P. 615—624, 633—638; *Kiaupienė J., Lukšaitė I.* Veržli Naujųjų laikų pradžia. Lietuvos Didžioji Kunigaikštystė 1529—1588 metais // *Lietuvos istorija*. T. V. Vilnius, 2013. P. 206—227; *Jučas M.* Lietuvos ir Lenkijos unija (XIV a. vid. — XIX a. pr.). Vilnius, 2000. P. 241—265.

общих посольств, принятия решений о налогообложении на содержание войск Польши и ВКЛ во время войны. Решения общих сеймов должны подтверждаться двумя государственными печатями — Польши и Литвы.

7. Общие сеймы должны созываться монархом и проводиться вблизи польско-литовской границы, поочередно в каждой из стран.

8. Обороняться от внешних врагов Польша и Литва обязаны общими усилиями.

9. Каждое из государств сохраняет за собой все имеющиеся государственные должности и титулы.

10. Подданные Польши и Литвы вправе приобретать земельные владения и проживать в каждой из двух стран, но на государственные и духовные должности должны назначаться только жители данной державы.

11. Курс монет Литвы и Польши следует выравнивать, но на литовских монетах станет чеканиться титул великого князя литовского.

12. После заключения унии на Великое княжество Литовское не должна распространяться проводившаяся в то время в Польше политика «экзекуции прав», означавшая изъятие у вельмож земельных владений и передачу их в собственность государства («короля»), если вельможа не был в состоянии доказать права собственности документально¹¹.

В основном в литовской историографии продолжает сохраняться положительная оценка «литовского проекта» унии, предусматривавшего реальное равноправие сторон, обеспечивавшего необходимый военный и политический союз Польши и Литвы и в то же время лишённый изъянов, обнаружившихся после заключения Люблинской унии в 1569 г. (слабость общего парламента — сейма Речи Посполитой — при отсутствии реальной и законной альтернативной возможности принимать законодательные решения для нужд соответственно Литвы или Польши). Дальнейшее и более пристальное изучение переговорных позиций Литвы в канун заключения Люблинской унии, возможно, позволит пролить свет и на отношение шляхетского сословия к официальным предложениям ВКЛ.

Для изучения отношения широких слоёв среднего и мелкого шляхетства ВКЛ к перспективе заключения более тесной унии с Польшей принципиальное значение имеет исследование событий 1562 г., когда собранная под Витебском для обороны границ шляхта ВКЛ начала бунтовать и потребовала скорейшего заключения новой унии с Польшей в надежде на получение значительной военной помощи. В Литве недавно увидело свет научное издание исторических источников, относящихся к этим событиям¹². Основной вывод литовской историографии состоит в том, что требования шляхты сводились к желанию сохранить общего, избираемого совместно с Польшей монарха, а также установления действенного военного союза ВКЛ и Польши, что существенно облегчило бы оборону ВКЛ от войск Ивана Грозного. Вместе с тем предстоящий союз должен был быть равноправным, а государственный суверенитет ВКЛ сохранён¹³. Литовский проект унии, предложенный в 1563 г., а также проведённые в

¹¹ *Gudavičius E. Lietuvos istorija. T. I. P. 637—638; Kiaupienė J., Lukšaitė I. Veržli Naujųjų laikų pradžia... P. 209—210.*

¹² *XVI amžiaus Lietuvos ir Lenkijos politinės kultūros šaltiniai (1562 metų tekstai). Vilnius, 2008 (Historiae Lituaniae Fontes Minores. T. 5).*

¹³ *Gudavičius E. Lietuvos istorija. T. I. P. 618—619; Kiaupienė J., Lukšaitė I. Veržli Naujųjų laikų pradžia... P. 207.*

Литве в 1564—1566 гг. судебно-административные реформы в основном отвечали чаяниям шляхты ВКЛ. Важным выводом литовских исследователей стала констатация необходимости учитывать произошедшие изменения в настроениях литовской шляхты после 1562 г.: стабилизация военной обстановки и значительное расширение сословных прав средней и мелкой шляхты уменьшило их противоречия с вельможами¹⁴. Изучение всего спектра мнений и чаяний шляхты ВКЛ с учётом региональных особенностей остаётся на повестке дня.

В общих оценках заключённой в 1569 г. Люблинской унии в современной литовской историографии преобладают позитивные акценты. Это не означает, что итоговый вариант унии определяется исключительно положительно. Критическое отношение к факту давления на Литву и отторжению четырёх воеводств, к излишнему ограничению государственного суверенитета ВКЛ¹⁵ не исчезло. В обобщающем труде по истории Литвы Э. Гудавичюса соответствующий раздел назван «Трагедия Люблина»¹⁶. Несмотря на такое название, основной вывод историка скорее позитивный. По его мнению, литовской стороне в почти безвыходной ситуации удалось добиться самого главного — сохранить государственность Литвы, хотя и в ограниченном виде, в рамках образованного конфедеративного государства, соединившего Литву со значительно более сильным партнером — Польшей. Литва осталась субъектом политики, но на дальнейшее развитие литовского государства и литовского народа определяющее влияние стала оказывать Польша¹⁷. В большинстве публикаций литовских историков акцентируется факт сохранения государственности и подчёркивается компромиссный характер Люблинской унии — особенно то, что уния помогла ВКЛ выстоять в противостоянии с Москвой. Уже в июне 1570 г. было заключено трёхлетнее перемирие между Речью Посполитой и Русским государством, а Ливонская война завершилась выгодным для Литвы Ям-Запольским перемирием (1582).

В современной литовской историографии сохраняются разночтения в определении характера созданного в результате Люблинской унии союзного государства. В основном это терминологические расхождения, а не итог специальных исследований. Речь Посполитая (*Res Publica*) Королевства Польского и ВКЛ (в обиходе прижилась и стала более популярной форма названия новообразованного государства — Речь Посполитая Обоих Народов) в публикациях литовских историков временами характеризуется как «федерация»¹⁸. В значительной степени эта характеристика позаимствована у польской историографии. Всё чаще можно встретить термин «конфедерация»¹⁹, а также нео-

¹⁴ Kiaupa Z., Kiaupienė J., Kuncevičius A. Lietuvos istorija iki 1795 metų. Vilnius, 1995. P. 263.

¹⁵ Kiaupienė J. Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės teritorinio vientisumo suardymo 1569 m. problema Liublino unijos istoriografijos kontekste: tradicijų ir naujų interpretacijų erdvė / Problem rozbięcia jednościi terytorialnej Wielkiego Księstwa Litewskiego w 1569 roku w kontekście historiografii poświęconej unii lubelskiej: tradycje i nowe interpretacje // Liublino unija: idėja ir jos tęstinumas. P. 102—113, 114—125; Kuolys D. Liublinas: kovos dėl Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės Respublikos / Lublin: walki o Rzeczpospolitą Wielkiego Księstwa Litewskiego // Liublino unija: idėja ir jos tęstinumas. P. 280—290, 291—300.

¹⁶ Gudavičius E. Lietuvos istorija. T. I. P. 634—645.

¹⁷ Ibid. P. 645.

¹⁸ Jučas M. Lietuvos ir Lenkijos unija... P. 265.

¹⁹ Gudavičius E. Lietuvos istorija. T. I. P. 645.

предельные комбинации «федерация, но по существу — конфедерация»²⁰, или определения устройства Речи Посполитой как промежуточной формы между федерацией и конфедерацией. Присутствует и мнение, что нет большого смысла в том, чтобы пытаться применять к Речи Посполитой современное понятие. Для федераций свойственно иметь общие институты исполнительной власти, «федеральную» армию и общий бюджет. Всего этого в Речи Посполитой не было. Войско, казна и налоги, соответствующие «министерства», а также государственные канцелярии оставались отдельными — польскими и литовскими. По сути, таковыми были и судебные системы, замыкавшиеся на Верховные трибуналы Польши и Литвы. С другой стороны, государства, соединённые унией, отказались от собственных парламентов (сеймов), а таковые институты законодательной власти обычно присутствуют даже у членов федераций, не говоря уже о конфедерациях. Видимо, есть смысл отказаться от попыток «подтянуть» Речь Посполитую под современные определения. Можно говорить о союзном государстве (с учётом нюансов и специфики союза Польши, Литвы и территорий с особым статусом — Ливонии, Пильтенского повета в Курляндии и зависимых княжеств Курляндского и Прусского)²¹.

В литовской историографии, как ранее в польской, а в некоторой мере современной британской, отмечен факт изучения опыта польско-литовской унии при планировании государственной унии Англии и Шотландии в конце XVI — начале XVII в.²² К уже написанному можно добавить, что этот интерес не ограничился написанием «политологических» сочинений, где описывался опыт польско-литовской унии; пример Люблинской унии оговаривался и во время прений в английском парламенте в 1604 г. По определению английских юристов, уния Польши и Литвы среди иных, возникших в Европе на протяжении нескольких веков, была уникальна — все прочие создавались путём династических союзов либо войн, тогда как уния Польши и Литвы образовалась за счёт «изменения права»²³.

Во многих публикациях, посвящённых истории ВКЛ, так или иначе затрагивается многолетний и постепенный процесс взаимодействия Польши и Литвы в рамках союзного государства, постепенное сближение и интеграция обоих государств и их обществ, преодоление оставшихся после 1569 г. обид. Общепринятым в литовской историографии стало утверждение, что со временем литовская шляхта свыклась с условиями Люблинской унии, особенно

²⁰ «Условия унии объявляемую федерацию фактически превращали в конфедерацию» (*Gudavičius E. Lietuvos europėjimo keliais. P. 279*). Похожие формулировки можно найти в работах А. Бумблаускаса (*Bumblauskas A. Lietuvos istorija 1009—1795. Vilnius, 2005. P. 265; Bumblauskas A., Eidintas A., Kulakauskas A., Tamošaitis M. Lietuvos istorija kiekvienam. Vilnius, 2018. P. 124*).

²¹ *Sliesoriūnas G. Lietuvos Didžioji Kunigaikštystė XVI a. pab. — XVIII a. pr. (1588—1733 metais) // Lietuvos istorija. T. VI. Vilnius, 2015. P. 15—17*.

²² *Ibid. P. 16; Mierzwa E. Na marginesie wydania angielskiej relacji o Polsce z 1598 r. // Przegląd Historyczny. T. 58. 1967. Z. 4. S. 664—667; Mierzwa E. Polska a Anglia w XVII wieku. Warszawa, 2003. S. 7; Mirecka M. «Monarchy as it should be»? British Perceptions of Poland-Lithuania in the long Seventeenth Century. A Thesis Submitted for the Degree of PhD at the University of St Andrews. 2014. P. 160—175.*

²³ «April 26? [1604]: 65. Discourse on the Union of Kingdoms as fourfold; by marriage, by election, by gift or purchase, by conquest. Precedents of unions by marriage during 600 years, and of their conditions, which confine the union to the princes only, without changing the laws. Conditions of the union by conquest of Portugal with Spain and of other unions, none of which were attended with any change of laws, excepting that of Lithuania with Poland; 67. Occasions and means of uniting the great Dukedom of Lithuania to the kingdom of Poland; with the conditions» (*Calendar of State Papers Domestic: James I, 1603—1610. L., 1857. P. 100—101*).

после разных коррекций в её практическом применении в течение нескольких десятилетий. Особенно значимым событием в этом плане было утверждение свода права ВКЛ — Третьего Литовского Статута, утверждённого в 1588 г. в обход сейма Речи Посполитой. Изучаются и не увенчавшиеся успехом попытки литовской шляхты возродить некоторые утраченные атрибуты государственной суверенности вроде отдельной интронизации общего с Польшей монарха на престол великого князя литовского в Вильнюсе²⁴, что свидетельствует о сохранившейся приверженности к традициям литовской государственности. Во второй половине XVIII в., когда в Польше вновь усилилось стремление придать польско-литовской унии более тесный вид (чему благоволил и последний монарх Речи Посполитой Станислав Август Понятовский), Люблинская уния, условия которой юридически корректным образом изменить было сложно, стала тем основополагающим юридическим актом, при помощи которого литовская шляхта могла успешно отстаивать свои права и государственность ВКЛ. На этот аспект истории Люблинской унии обратили внимание многие литовские историки, изучающие преобразования в Речи Посполитой последней трети XVIII в.²⁵ Такая приверженность шляхты ВКЛ к собственной государственной традиции, сохранять которую тогда помогал акт Люблинской унии, способствовала тому, что государственность ВКЛ пережила радикальные реформы в Речи Посполитой в 1788—1792 гг., вплоть до уничтожения последней в 1795 г.

Такое продолжительное сосуществование Польши и Литвы в составе общей Речи Посполитой сильно влияло на общество ВКЛ и собственно Литвы, особенно на самосознание шляхетского сословия ВКЛ. Ряд литовских исследователей затронули эту тему. Изучается процесс культурных перемен, которые происходили в новых обстоятельствах, созданных в результате Люблинской унии. Помимо распространения среди шляхты польского языка и усиления влияния католицизма происходили эволюционные перемены и в государственном самосознании шляхты ВКЛ. Процессы, происходившие в сфере культуры и самосознания шляхетского общества, привлекают внимание историков, интересующихся политической культурой ВКЛ²⁶, исследователей истории культуры²⁷, литературы²⁸. Общепринятая точка зрения в литовской историографии гласит, что культурное, языковое и религиозное сближение шляхты ВКЛ и Польши не привело к утрате литовским обществом государственного самосознания,

²⁴ *Zujienė G.* Pastangos išsaugoti Lietuvos didžiojo kunigaikščio titulą ir pakėlimo ceremoniją / Starania o zachowanie tytułu wielkiego księcia litewskiego i ceremonialu podniesienia na tron wielkoksiążęcy litewski // *Liublino unija: idėja ir jos tęstinumas*. P. 64—71, 72—80.

²⁵ *Kiaupa Z.* Trumpasis XVIII amžius (1733—1795 m.) // *Lietuvos istorija*. T. VI. D. 1. Vilnius, 2012. P. 58. Об использовании лозунга сохранения унии в деятельности генеральных конфедераций ВКЛ см.: *Šmigelskytė-Stukienė R.* Liublino unija: idėjos tęstinumas Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės konfederacijose Stanislovo Augusto valdymo laikotarpiu / Unia lubelska: kontynuacja idei podczas konfederacji Wielkiego Księstwa Litewskiego za panowania Stanisława Augusta Poniatowskiego // *Liublino unija: idėja ir jos tęstinumas*. P. 352—364, 365—378.

²⁶ *Kiaupienė J.* Litewskie cechy kultury politycznej szlachty Wielkiego Księstwa Litewskiego w XVI wieku // *Kultura Litwy i Polski w dziejach. Tożsamość i współistnienie*. Kraków, 2000. S. 67—78; *Kiaupienė J.* Tarp Romos ir Bizantijos: Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės politinės kultūros aukso amžius, XV a. antroji pusė — XVII a. pirmoji pusė. Vilnius, 2016.

²⁷ *Lukšaitė I.* Liublino unija ir identitetų kaitos Lietuvoje Didžiojoje Kunigaikštystėje XVI a. antroje pusėje / Unia lubelska a zmiany tożsamości w Wielkim Księstwie Litewskim w drugiej połowie XVI wieku // *Unia Lubelska: idea i jej kontynuacja*. P. 216—232, 233—252.

²⁸ *Kuolys D.* Res Lituana. Kunigaikštystės bendrija. Vilnius, 2009.

эмоциональной приверженности к своему государству. Сохранялась сильная эмоциональная связь с его историей. Всё это стало основанием для упрочения характерной для литовской историографии тезы: после заключения Люблинской унии существовала и продолжала развитие общность шляхты ВКЛ — его политический народ²⁹. Для представителей этой общности государственность Литвы, права её шляхетских граждан представляли большую ценность и были предметом гордости. В то же время договорная связь Литвы и Польши очень скоро стала одной из составляющих самосознания литовской шляхты, очевидной и оберегаемой ценностью. Исследования самосознания, в том числе государственной идентичности, шляхты и особенностей исторической памяти, характерных для политического народа ВКЛ, степени интеграции со шляхетским народом Королевства Польского неизбежно будут привлекать внимание литовских, польских и белорусских исследователей. Специфика данной проблемы создаёт большой простор для самых разных исследований, в том числе международных. Тем более что общепринятой точки зрения на данную проблематику среди литовских, польских и белорусских учёных нет.

Завершая обзор литовской историографии, посвящённой проблематике Люблинской унии, можно констатировать сохранение интереса к ней со стороны литовских исследователей. Преобладают в основном положительные оценки унии, но не игнорируются и трудные для Литвы обстоятельства, сопутствовавшие подписанию унии. В современных исследованиях литовских историков подчёркивается сохранение и развитие государственности Литвы в форме ВКЛ в составе Речи Посполитой. Всё больше внимания уделяется проблематике влияния унии на процессы становления шляхетской общности ВКЛ и развития его гражданского и исторического самосознания, свидетельствующего о прочной приверженности к традиции государственности Литвы.

²⁹ *Kiaupienė J.* The Grand Duchy and the Grand Dukes of Lithuania in the Sixteenth Century: Reflections on the Lithuanian Political Nation and the Union of Lublin // *The Polish-Lithuanian Monarchy in European Context*, c. 1500—1795. Basingstoke, 2001. P. 82—92; *Kiaupienė J.* Naród polityczny Wielkiego Księstwa Litewskiego w XVI wieku: pojęcie ojczyzny // *Łacina jako język elit*. Warszawa, 2004. S. 295—318; *Kiaupienė J.* Some Considerations on the Sources of Unity of the Lithuanian Political Nation in the Sixteenth Century // *Podział władzy i parlamentaryzm w przeszłości i współcześnie* prawo, doktryna, praktyka. 500-rocznica konstytucji Nihil novi z 1505 r. 56. Konferencja Międzynarodowej Komisji Historii Instytucji Reprezentatywnych i Parlamentarnych w Krakowie i Radomiu (5—8 września 2005). Prace przedstawione międzynarodowej komisji historii instytucji reprezentatywnych i parlamentarnych. T. 84. Warszawa, 2007. S. 326—333; *Kiaupienė J.* «MY, Litwa» — formuła patriotyzmu narodu politycznego Wielkiego Księstwa Litewskiego w XVI wieku // *Formuły patriotyzmu w Europie Wschodniej i Środkowej od nowożytności do współczesności*. Kraków, 2009. S. 17—26; *Kiaupienė J.* Палітычная нацыя Вялікага Княства Літоўскага. Літоўская перспектыва // *Літва і Беларусь тысяча год разам*. 2009. № 9. С. 72—85; *Kiaupienė J.* LDK politinė tauta. Lietuviškoji perspektyva // *Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės tradicija ir tautiniai naratyvai*. Vilnius, 2009. P. 39—53; *Kiaupienė J.* Политический народ Великого княжества Литовского в системе политических структур Центрально-Восточной Европы в XV—XVI веках // *Сословия, институты и государственная власть в России. Средние века и Раннее Новое время*. Сборник статей памяти академика Л.В. Черепнина. М., 2010. С. 586—591.